

ДНО СТАКАНА

Родя Гrawl

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Родя Гrawl

Дно стакана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72441625

SelfPub; 2025

Аннотация

«Дно стакана» – это сборник коротких прозаических зарисовок, объединённых темой одиночества, отчаяния и поиска смысла на дне стакана. Главный герой, писатель-алкоголик, ведёт хронику своей жизни, полной случайных встречей, мимолётных связей, горьких разочарований и попыток убежать от самого себя. Его мир – это бары, дешёвое вино, сигаретный дым и женщины, которые приходят и уходят, оставляя лишь след на подушке и пустоту в сердце.

Стиль текста – грубый, циничный, местами поэтичный, с ярко выраженной интонацией человека, который уже почти всё потерял, но ещё способен чувствовать. Это история о том, как легко скатиться на дно и как трудно – подняться. О том, что даже в самом падении можно найти крупицы правды, боли и красоты.

Книга для тех, кто не боится смотреть в глаза тьме и находить в ней что-то знакомое.

Содержание

Без запаха перегара и разговоров про смерть	4
Последний стакан	6
Последний глоток в баре	9
Маленькая пьяная звезда	12
Имена – для тех, кто собирается остаться.	14
За тех, кто не умеет проигрывать красиво.	16
Я больше не...	20
Пачка сигарет и пол-литра дешёвой надежды	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Родя Гrawl

Дно стакана

Без запаха перегара и разговоров про смерть

Я проснулся, потому что с потолка капала вода. Или это была моя печень – уже не разберёшь. На полу валялась пустая бутылка, и я чувствовал себя так, будто ночью меня кто-то бил кирпичом по голове, но делал это нежно. Любовно.

Сигареты закончились, а вместе с ними – и смысл просыпаться. Но где-то в голове она всё ещё жила. Лена.

Я встретил её на квартире, в которой жил мой недавний знакомый. У него было только два правила: первое – «Не блюй», и второе – «Не спрашивай, что в коктейле». Прозрачность не была его сильной стороной.

Лена сидела в углу, пила и смотрела в телефон. Я сказал что-то глупое, вроде: «Знаешь, твои глаза напоминают мне те времена, когда я ещё мог любить». Она засмеялась.

Мы были вместе три недели. Это много, если ты алкоголик с поломанной психикой и рассыпавшимся желудком. Она спала, как кот – свернувшись, забрав всё одеяло, – и

пила быстрее меня. Я уважал это. Женщина, которая может смотреть в бездну рюмки и не моргать, – это редкость.

На четвёртой неделе она сказала, что любит меня.

А на пятой ушла, оставив в воздухе только: «Ты хороший. Просто мне хочется пожить. Без запаха перегара и разговоров про смерть».

Жить. Чёрт бы её побрал.

С тех пор я часто появляюсь в той квартире. Иногда я думаю, что Лена – это галлюцинация, которая случается, когда смешиваешь антидепрессанты с дешёвой водкой. Иногда я уверен, что она была реальна. Потому что сердце до сих пор чувствует её тепло, когда она спала на мне, дыша медленно, будто боялась потревожить мир.

Знакомый говорит, что у меня «лицо как у спившегося святого». Я не знаю, что он имел в виду. Может, он просто поэтичный ублюдок.

Но каждую ночь, перед тем как упасть в сон без снов, я поднимаю стакан и шепчу в темноту:

«За тебя, Лена. За жизнь, которой у нас не было».

И пью.

Как будто это поможет...

Последний стакан

Утро вломилось в комнату, как пьяный мусорщик: кричащее, злое, с запахом вчерашней водки. Я лежал на диване без простыни, слушая, как тараканы шепчутся под плинтусом. Стройка гудела похоронным маршем. Внутри холодильника – банка тушёнки и четверть недопитого вина. Завтрак чемпиона.

На лестничной клетке пахло отчаянием и тушёной капустой. В подъезде женщина орала на кота, который снова нассал в её тапочки. Я спустился вниз: ноги волочились, как старые приятели после драки. Почтовый ящик был пуст, кроме счетов за квартиру. Ну, это уже их проблемы. Всё вроде бы оплачено – за исключением месяцев, где я вводил санкции против них. Они грозились отключить что-то там. Может, наконец, в этом месяце сделают мне одолжение.

Бар открывался в пять вечера. Знакомый бармен за стойкой вытирал стаканы грязной тряпкой. Его лицо напоминало смятый конверт.

– Привет, – хрипло кивнул он. – Ты выглядишь как дерьмо после парада.

– Спасибо. Ты сегодня особенно поэтичен. У тебя как?

Водка обожгла горло, как поцелуй бывшей женщины. В углу сидел старик в пальто с оторванной пуговицей и разго-

варивал с мухой. У стойки – две девчонки с подведёнными глазами и электронками в тонких, изящных пальцах. Одна из них смеялась слишком громко. Все мы здесь смеёмся слишком громко.

К вечеру кошелёк стал легче, зато в голове зазвучала музыка. Я вышел на улицу. Солнце лупило по глазам, как полицейский фонарь. На углу паренёк продавал часы с чужой руки. Я купил их за какой-то жалкий косарик. «Наверное, классно, когда время тикает в кармане, как маленькая бомба», – подумал я.

Гуляя по парку, понял, что пропустил сообщение от Лены. Оно выглядело странным. Будто писала до жути пьяная: «Приходи вечером. Будет ужин и вино. Или не приходи. Мне всё равно». Я написал: «Я уже пьян». Пусть порадует за меня.

Чуть позже я снова оказался у того бара. Девчонок сменил грузчик с перебитым носом. Он рассказывал, как чуть не убил человека в пьяном угаре – просто приревновал её к сидящему рядом парню. Бармен кивал, вытирая ту же кружку. Водка лилась рекой, которая неизбежно впадает в унитаза.

Когда фонари зажглись, город задышал синими тенями. Я шёл по аллее, где бомжи сидели на траве. Один из них протянул мне полбутылки вина и пластиковый стаканчик. Тёплого, кислого, прекрасного. Мы пили молча. Где-то далеко завывала сирена, и я подумал, что это поёт полиция. Нет. Просто проехала скорая.

В 3:17 ночи я проснулся на полу, облокотившись на ванную. Часы остановились и больше не тикали. Стройка молчала. Где-то в темноте смеялась Лена. Или та женщина с котом. А может, просто ветер выл в пустых бутылках за окном.

Я допил остатки дешёвого пойла прямо из горлышка, даже не в состоянии понять, что это было. Завтра снова будет день. И послезавтра. И ещё тысяча дней. А потом – лишь тишина. Но пока стаканы звенят, сигареты дымятся, а где-то в подворотне мяукает чёрный котёнок, который считает себя бессмертным.

Последний глоток в баре

Она вошла в бар, как дождь, который начинается с грозы, – резко, без предупреждения. Платье цвета выцветших сигаретных фильтров, волосы – спутанная история, которую никто не дописал. Я сидел у стойки, прилипший к стакану, как муха к липкой ленте. Пиво пахло дешевым утешением – тем, что не лечит, а лишь глушит шум в голове.

– Эй, – сказала она, и её голос был как разбитая струна. – Ты выглядишь так, будто уже умер, но забыл об этом.

Я кивнул, потому что мертвецы не спорят. Она села рядом и заказала джин с тоником. Её губы оставили след на стекле – полумесяц пепла. Мы не говорили о любви. Любовь – это слово для тех, кто верит в зубных фей и читает новости. Мы говорили о трещинах в стенах, о том, как пахнет одиночество на рассвете, когда бутылки пусты, а голоса в голове громче метронома.

Она жила с подругой: старая мебель, тараканы и стихи на обоях. Там есть даже моя фраза: «Я наливаю себе снов. Лишь потому, что водка – единственная любовь, которая не предаёт. Она жжёт, но хотя бы не лжёт». Иногда, когда я приходил, она читала стихи вслух, смешивая строки с дымом сигарет. Ей нравилось моё творчество. Она твердила, что пора завязать с писанием «в стол» и начать зарабатывать.

Мы занимались любовью во всех углах квартиры – даже на кровати её подруги, как звери, которые знают, что завтра их пристрелят. Её кожа пахла дешевыми духами и болью. Я пил из её пупка, как из священной чаши, а она смеялась – смехом битого стекла.

Но потом зажигались фонари, высвечивая наши грехи. Она одевалась молча, а я наливал водки, пытаюсь убить тишину.

– Ты когда-нибудь перестанешь? – спросила она однажды, глядя, как я трясущимися руками открываю следующую бутылку.

– Перестать – это для святых. А мы с тобой другой породы.

Я даже не могу сказать, сколько раз мы виделись. Время течёт, как кровь из пореза: незаметно, пока не увидишь лужу. Однажды она написала сообщение: «Наши демоны слишком похожи. Они сожрут друг друга». Я даже не стал отвечать.

Теперь я пью за стойкой, слушая, как колонки гоняют одну и ту же проклятую мелодию. Бармен, старый чёрт, иногда ставит передо мной два стакана. Я чокаюсь с пустотой. Её смех всё ещё где-то здесь – между дымом и скрипом барного стула.

Любовь? Это когда два поезда сталкиваются в туннеле, а потом ещё долго слышен звон рельсов.

Алкоголь? Единственный пассажир, который не требует

билета.

Я заказываю ещё. Ночь длиннее, чем список ошибок.

Маленькая пьяная звезда

Ангел заходит в бар – видимо, заблудился в аду. Хрупкая, с глазами, полными наивности и какой-то детской веры в то, что мир не так уж плох. Я сидел в углу, допивая очередной наборчик из пива и водки, когда она под села ко мне.

– Ты Никита? – спросила она. Голос у неё был мягкий, как первый снег, который тает, едва коснувшись земли.

– Иногда, – ответил я.

Она улыбнулась. Ей было лет двадцать пять, не больше. Одетая скромно: джинсы, простая кофта, никакой мишуры. Волосы тёмные, чуть растрёпанные, будто только что проснулась.

– Я слушала твоё творчество в телеграм-канале, – сказала она.

Наверное, не стоило этого говорить. Мы ведь виделись впервые. Захотела – рассказал бы сам. Но ей нужно было зацепиться за хоть какую-то тему.

– Жаль, – хрипло рассмеялся я. – Значит, ты уже на пути к саморазрушению.

Она заказала вино. Почти пустой бокал, который потягивала медленно, словно боялась опьянеть. Говорила о книгах, о музыке, о том, как ненавидит свою офисную работу. Я слушал, выходил с ней курить, подливал себе ещё.

Потом она пришла снова. И снова.

Сначала – один бокал. Потом два. Потом три.

Через месяц она уже пила, как я.

– Чёрт, – бормотала она, опустошая рюмку текилы, – я не хотела так напиваться.

– Никто не хочет, – сказал я. – Но всё равно это делают.

Она смеялась, но в глазах её была грусть. Та самая, что появляется, когда понимаешь: черта пройдена, а назад пути нет.

– Ты меня испортил, – сказала она однажды, когда мы валялись у меня в квартире среди пустых бутылок и окурков.

– Нет, – я затянулся сигаретой. – Ты сама это сделала. Я лишь показал тебе дверь.

Она закрыла глаза. По щеке скатилась слеза.

– Мне страшно, – прошептала она.

Я налил ей ещё.

– Добро пожаловать в ад.

А потом она исчезла. Как и все они.

Иногда я думаю о ней, сидя в том же баре и заказывая тот же набор.

Наверное, теперь она пьёт где-то одна. Или не пьёт вовсе. Но я сомневаюсь.

Ад, однажды принявший тебя, редко отпускает.

Имена – для тех, кто собирается остаться.

Бар пах старым пивом и отчаянием. Я сидел у стойки, разглядывая трещину в стене, которая напоминала женский профиль. Или, может быть, просто хотелось, чтобы это была женщина.

Она вошла внезапно, как гром среди ясного неба: рыжие волосы, юбка, едва прикрывающая грех, и каблуки, от которых напряглось всё, что только могло.

– Вино, – сказала она бармену, даже не глядя на меня.

Я ухмыльнулся:

– Вино – это как хорошая женщина. Чем старше, тем лучше.

Она повернулась. Глаза холодные, губы влажные:

– Ты уже настолько пьян, что сравниваешь алкоголь с женщинами?

– Нет, – я сделал глоток. – Я настолько трезв, что сравниваю женщин с алкоголем.

Она рассмеялась. Звук её смеха заставил мой член вздрогнуть, как старый пёс, учуявший мясо.

Через час мы были у неё. Комната – дешёвая, кровать – продавленная, но мне было плевать. Она скинула платье, и

я увидел всё, что хотел: грудь, не нуждавшуюся в лифчике, живот с едва заметными растяжками – дорожную карту былых удовольствий.

– Ты трахаешься, как пьяница, – прошептала она, когда я вошёл в неё.

– Потому что я пьяница, который трахается, – ответил я, двигаясь глубже.

Она стонала, я кряхтел, кровать скрипела, а мир за окном продолжал гнить. Как обычно.

Потом мы курили.

– Ты даже не спросил, как меня зовут, – сказала она.

Я посмотрел на пепел, падающий на её голый живот:

– Имена – для тех, кто собирается остаться.

Она затянулась, улыбнулась:

– Тогда налей мне ещё.

Я налил.

За тех, кто не умеет проигрывать красиво.

Бар жил своей привычной жизнью. Я ввалился туда, как обычно, ровно в тот момент, когда солнце начинало жечь глаза похмельным людям. Дверь скрипнула протестом, но пропустила – она знала меня уже лет пять.

Стойка была моим привычным местом: барный стул с лучшим видом на всё помещение и худшим – на туалет. Бармен даже не спросил – просто поставил передо мной стакан того дешёвого пива, что оставляет послевкусие разочарования и лёгкое жжение в пищеводе.

– Опять твой счастливый день? – хрипло спросил он, вытирая руки о некогда светлые брюки.

– Какой же он счастливый, если я здесь? – ответил я, затем влил в рот первую за день порцию забвения.

Телевизор над стойкой показывал какой-то клип – яркие краски, полуобнажённые тела, улыбки дорогих проституток. Музыка резала уши, но никто не просил сделать тише: здесь все давно потеряли чувствительность к боли. Я наблюдал, как на экране рэпер в золотых цепях размахивал пачкой денег, и подумал, что даже его маска счастья выглядела более искренней, чем лица большинства посетителей этого заведе-

ния.

Лампа моргала, как последняя мысль пьяницы перед отключкой, освещая лица, которые никто не хотел видеть.

Я сидел, втирая в ладонь пятно от водки и пива, уже въевшееся в кожу, как судьба. Мои пальцы знали эти стаканы и рюмки лучше, чем чьё-либо прикосновение.

Потом шла какая-то попса – блёстки, автотюн, девчонки, танцующие на капоте, как будто их жизни зависят от этого.

– Опять эта хуйня, – пробормотал я.

– Люди это любят, – сказал бармен.

– Люди любят дерьмо.

Он рассмеялся.

– А ты вообще что-нибудь любишь? – спросил он.

– Иногда. Чаще всего, когда пьяный.

– Ты трезвым не бываешь.

– А ты только тут меня и видишь.

В углу сидела знакомая девушка – Линда, Лида, Лиз... блядь, я никогда не мог запомнить. Её платье когда-то стоило денег, а теперь стоило только жалости. Она ловила мой взгляд уже третий стакан подряд.

– Ты сегодня особенно красив, – сказала она, подсаживаясь ко мне. От неё пахло дешевыми духами и дорогими ошибками.

– А ты особенно трезва для этого времени, – ответил я, отодвигая стакан, когда её пальцы потянулись к нему.

– Жадный подонок, – буркнула она.

– Экономист. Могу и диплом показать. Он у меня дома.

Вызываю такси нам?

Бар наполнялся привычным вечерним контингентом – неудачники, подонки и постоянные алкоголики. Мы все были частью этого места.

Когда я допил четвёртый стакан, в баре появился новый персонаж – молодой парень в слишком чистой рубашке. Он неуверенно озирался, словно боялся, что бар проглотит его целиком.

– Первый раз? – спросил я, когда он сел рядом.

– Как заметили? – скромно спросил он.

– Выглядишь так, будто ещё веришь, что отсюда можно уйти.

Он заказал пиво и начал рассказывать историю, которую я слышал уже сотни раз: девушка, мечты, предательство. Я кивал, запивая водку остатками пива, и думал о том, что через пару лет он будет таким же, как мы – с пустым взглядом и полными карманами одиночества.

К полуночи бар достиг своего идеального состояния: смех перемежался с руганью, а в туалете кто-то терял последние остатки достоинства. Я сидел, уставившись в стакан, и думал о том, что где-то там, за стенами этого ада, люди ложатся спать: одинокая мама целует ребёнка губами, которыми некоторое время назад сладко насасывала член малознакомого мужчины; молодые пары строят планы...

– Последний? – спросил бармен.

– Разве они когда-нибудь бывают последними? – ответил я, доставая из портсигара карточку. Но, как и всегда, он сказал, что не возьмёт с меня денег.

Когда я вышел на улицу, дождь стирал границы между небом и землёй. Я постоял под ним, позволяя каплям объединиться в одну на лбу. Где-то в городе звонили колокола, где-то смеялись влюблённые, где-то рождались дети... А я шёл домой – в ту самую комнату, где ждали только недопитая бутылка и старые сообщения, которые я никогда не решался перечитать.

Дверь скрипнула, свет включился с неохотой. Я сел на кровать, взял с пола бутылку и поднял тост перед зеркалом:

– За нас, дружище. За тех, кто не умеет проигрывать красиво. Мы как последний хромо́й конь на скачках: бежим нехотя и уже ждём отстрела. А дальше только пуля. Но до неё ещё добежать нужно.

Где-то за стеной играла музыка. Где-то в мире кто-то был счастлив. Но в эту ночь, как и во многие предыдущие, я был здесь – между дном бутылки и краем кровати, между прошлым, которое нельзя вернуть, и будущим, которое не хочется встречать.

Или – где-то между дном стакана и следующим утром, которое, если повезёт, никогда не наступит.

А если не повезёт – наступит.

И тогда всё начнётся сначала.

Я больше не...

Она разбила бокал о кафель ванной, и осколки разлетелись, как осколки наших отношений. Алкогольный запах смешался с её духами – сладкими, как её губы, которые я целовал вчера под луной.

– Ты снова пьёшь, – сказала она, и голос её дрожал.

Я молча наливал себе ещё. Водка, словно жидкий огонь, стекала по горлу, притупляя боль. Но не ту, что в сердце, – её не взять ничем.

Мы встретились в баре, где свет был тусклым, а музыка – громкой. Она сидела одна, крутя в руке пустой бокал. Я подсел, предложил выпить за случайные встречи.

– Ты часто пьёшь одна? – спросил я, разглядывая её профиль в полутьме.

– Только когда хочу забыть, – ответила она, не глядя.

Я заказал ей и себе. Мы пили за встречи, за любовь, за ошибки. А потом – за прощание.

Но сначала всё было иначе.

Мы гуляли по ночному городу, смеялись над глупостями, целовались под дождём. Она говорила, что любит мой голос, даже когда он хрипел после третьей рюмки.

Но потом водка стала приходить раньше неё. Я просыпал-

ся с пустотой в груди и бутылкой на полу. Она молча убира-
ла осколки моего похмелья, пока однажды не разбила бокал
сама.

Теперь она стояла передо мной, бледная, с тушью, разма-
занной по щекам.

– Я больше не могу, – прошептала она.

Я знал, что она права. Любовь не должна пахнуть перега-
ром, а утро – начинаться с похмелья. Но я не умел жить без
этого – без огня в крови, без дурмана, который делал её об-
раз размытым, а боль – терпимой.

– Прости... – но она уже закрыла дверь с той стороны.

Остался только пустой стакан и тишина.

Я налил ещё. Выпил.

За любовь, которой больше нет.

За обещания, которые не сдержал.

За её слёзы, которые больше не увижу.

И за себя – того, кто останется на дне стакана.

Навсегда.

Через неделю я снова пришёл в тот бар. Тот же стул, тот
же бармен, те же напитки. Только её не было.

– Тебе что, обычное? – спросил бармен, уже доставая вод-
ку.

Я кивнул. Выпил. Потом ещё.

В углу сидела девушка с печальными глазами. Хотел по-
дойти, но вдруг заметил в её жестах что-то знакомое – то,

как она теребила край бокала, будто боясь его раздавить.

– Один? – спросила она.

Я хотел сказать «да», но вспомнил её голос: «Ты снова пьёшь».

– Нет, – ответил я впервые за долгое время. – Я не один.

И вышел на улицу, где падал снег – чистый, как обещания.

Утро снова встретило похмельем. В зеркале смотрел незнакомец с усталыми глазами.

Я налил. Выпил.

За любовь, которая не спасла.

За алкоголь, который съел.

И за похмелье, которое стало вечным.

Которое приросло, как вторая кожа.

Пачка сигарет и пол-литра дешёвой надежды

Глава 1. Утро после ничего

Окно было грязным, но сквозь него всё равно лезло солнце – назойливое, как долги. Я потянулся за сигаретой, но пачка была пуста. Вчерашний вечер оставил после себя только головную боль и пустые бутылки, а вместе с ними – смутное ощущение, что я опять что-то наобещал и не сдержу.

Женщина на кровати пошевелилась. Я не помнил её имени. В последнее время все их лица сливались в одно – чуть подкрашенное, чуть уставшее, с тенью разочарования в уголках губ.

– Ты уходишь? – спросила она, не открывая глаз.

– Да, – ответил я.

Но куда? Бар ещё не открылся, а на тротуаре перед моим домом уже маячили тени тех, кому я был должен. Жизнь, как всегда, напоминала плохой боксёрский поединок: ты ждёшь

удара, но он всё равно приходит неожиданно.

Я натянул потрёпанные джинсы и вышел на улицу. Город пах бензином и отчаянием.

Глава 2. Автобус в никуда

Автобус № 78 ходил раз в сорок минут, но я ждал. В кармане – последняя сигарета, которую я стрельнул у бродяги.

Контролёрша смотрела на меня так, будто я был пятном на её безупречной униформе.

– Прикладывай карту, – буркнула она.

Я приложил.

– Жизнь дорожает, – сказал я.

– Смерть тоже, – ответила она, не моргнув.

Я сел у окна. За стеклом мелькали рекламы. Кто-то когда-то сказал, что дорога – это метафора. Но метафоры – для тех, у кого есть время их разгадывать. У меня его не было.

Глава 3. Работа, которой нет

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.